

Вышла и опять бежит с братцем, а гуси увидели — да за ней; совсем налетают, уж крыльями бьют, того и гляди — из рук вырвут! К счастью, на дороге печка.

— Сядь на печку, спрячь меня!

Девушка поскорей пирожек в рот, а сама в печь, села в устье.

Гуси полетали-полетали, покрячали-покрючали и ни с чем улетели. А она прибежала домой, да хорошо ещё, что успела прибежать, а тут и отец и мать пришли.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, № 113. Помимо этого фольклорного варианта, записанного в Курской губернии, сказка известна в пересказе А. Н. Толстого.

В основе большинства волшебных сказок — древнейшие табу, запреты, обрядово-магические и мифологические понятия и представления. «По убеждению первобытного человека, — отмечает В. П. Анкин, — в поле, в лесу, на водах и в жилище — всюду и постоянно он сталкивается с враждебной себе силой, сознательной силой, пишущей случая наследу, богузнь, несчастье, пожар, разорение. Люди стремились уйти из-под власти таинственной силы, обставив свою жизнь и быт сложнейшей системой запретов. Запрещения накладывались на отдельные действия человека, на прикосновение его к отдаленным предметам и пр. Нарушение запрета влекло за собой, по мнению первобытных людей, опасные последствия: человек становился жертвой сверхъестественных сил. Эти представления и понятия породили многочисленные рассказы о том, как человек нарушает какой-либо из подобных запретов и подпадает под власть враждебных сил. Многие волшебные сказки говорят о запрете оставлять дом, покидать жилище, вкушать какую-либо еду или питье, прикасаться к чему-либо. Сказки традиционно сохранили сюжетные положения, которые хотя и изменились позднее, приобрели новый смысл, но изначально своим происхождением обязаны древнейшим эпохам».

СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Жили-были себе царь и царица; у них были сын и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Аленушкой.

Вот царь с царицею померли; остались дети одни и пошли странствовать по белу свету.

Шли, шли, шли... идут и видят пруд, а около пруда пасется стадо коров.

— Я хочу пить, — говорит Иванушка.

— Не пей, братец, а то будешь теленочком, — говорит Аленушка.

Он послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят реку, а около ходит табун лошадей.

— Ах сестрица, если б ты знала, как мне пить хочется.

— Не пей, братец, а то следаешься жеребеночком. Иванушка послушался, и пошли они дальше, шли-шли и видят озеро, а около него гуляет стадо овец.

— Ах, сестрица, мне страшно пить хочется.

— Не пей, братец, а то будешь баранчиком.

Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят ручей, а возле стерегут свиней.

— Ах, сестрица, я напьюсь; мне ужасно пить хочется.

— Не пей, братец, а то будешь поросеночком. Иванушка опять послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят: пасется у воды стадо коз.

— Ах, сестрица, я напьюсь.

— Не пей, братец, а то будешь козленочком. Он не вытерпел и не послушался сестры, напился и стал козленочком, прыгает перед Аленушкой и кричит:

— Ме-ке-ке! Ме-ке-ке!

Аленушка обвязала его шелковым поясом и повела с собою, а сама-то плачет, горько плачет...

Козленочек бегал-бегал и забежал раз в сад к одному царю. Люди увидели и тотчас доказывают царю:

— У нас, ваше царское величество, в саду козленочек, и держит его на поспе Девница, да такая из себя красавица.

Царь приказал спросить, кто она такая. Вот люди и спрашивают ее: откуда она и чьего роду-племени?

— Так и так, — говорит Аленушка, — были царь и царица, да померли; остались мы, дети; я, царевна, да вот братец мой, царевич; он не утерпел, напился водички и стал козленочком.

Люди доложили все это царю. Царь позвал Аленушку, спросил обо всем; она ему приглянулась, и царь захотел на ней жениться.

Скоро сделала свадьбу и стали жить себе, и козленочек с ними — гуляет себе по саду, а прет и ест вместе с царем и царицею.